

ЕКАТЕРИНА РОЩИНА

СИНДРОМ БАБОЧКИ

РАССКАЗЫ

Будь осторожен в своих желаниях — ибо они могут исполниться. Очень точно. К сожалению, мы мечтаем, рисуем “идеальную”, как кажется, картинку — и отпускаем её в Космос с надеждой, что сбудется.

И, что интересно, очень часто сбывается. Но в реальности ничего идеального нет. Так, моя приятельница Светка, рыжий лучик, заработавшись до невозможности на двух работах, мечтала только об одном: отдохнуть. Так, чтобы лежать и ничего-ничего не делать. Вселенная услышала её желание и интерпретировала по-своему: выходя из автобуса на высоченных своих каблучках, Светка не удержала равновесие и упала прямо на асфальт. Сложный перелом ноги в двух местах. Больница, неподвижное лежание на вытяжке, а потом долгая-долгая реабилитация дома. Никаких каблучков теперь, конечно. Светик ходит осторожно-осторожно, как древняя старушка, и теперь у неё куча свободного времени, а работает только на полставки. Она страшно жалеет о тех днях, когда бегала как подорванная и телефон звонил, не умолкая.

Или, например, Лилька. Когда-то давно мы с ней за рюмкой чая разговорились про визуализацию. Явление очень интересное и, как ни странно, действенное. Ведь равнодушной Вселенной всё равно, чем наградить человека. Для неё нет ни хорошего, ни плохого. Но она чутко отзывается на просьбу. Поэтому, говорят опытные приверженцы теории визуализации, надо максимально точно послать запрос. И Вселенная, будь уверен, отреагирует и пришлёт — на блюдечке с голубой каёмочкой. Лучше даже постушить гру-

РОЩИНА Екатерина Борисовна родилась в Москве. Окончила Московскую академию печати. Работает шеф-редактором журнала “Детская “Роман-газета”, в газете “Вечерняя Москва” выступает в качестве обозревателя. Автор повестей и рассказов, которые печатались во многих периодических изданиях. Живёт в Москве.

бо и нахально: вырезать из журнала красивую фотографию того, что тебе желанно. Повесить на видное место. И каждый день пялиться до одури на эту красную спортивную машину, дом с белыми колоннами или свадебное фото идеальной пары. Вместо лица невесты вклеить, естественно, свою рожищу. И ждать предложения.

Средний возраст для женщины — странный. С одной стороны, главные эмоциональные битвы и достижения уже состоялись, с другой стороны — много чего ещё будет. Ты уже не блещешь девичьей красотой, но зато проклонулись мудрость и относительное душевное равновесие. Девичья лёгкость и наивные ямочки на щеках ценятся мужчинами недолго. За мудрость и терпение они готовы даже предложить руку и сердце. Лилька хотела руки и сердца. Но только — от мужчины достойного. В высшей степени достойного... Она всегда была перфекционисткой, Лилька. Стремительная, высокая, худая, с чёрной чёлкой а-ля шестидесятые и такими же чёрными, яркими глазами. И журналов перелопатила за этот памятный вечер целую кипу. Пока не нашла то, что искала: семейный портрет на зелёной лужайке. Он, она, маленькая девочка в белых кружевах. Он и она стоят, держась за руки; девочка чуть поодаль, её лица не видно. Малышка наклонилась к кудрявой собачке.

— Смотри, какой мужчина! Вселенная, ты слышишь? Мне нужен такой. Тако-о-о-ой! Не хуже, — сказала Лилька.

Да, мужчина, конечно, хорош. Складный, с хитрым прищуром, с длинными волосами, зачёсанными назад. Успешный. Хотя как по фотографии можно судить об успешности?

Я тоже нашла “идеальную картинку” для себя. Небольшой коттеджик, утопающий в кустах цветущей сирени. Беленький домик, похожий на британский, а к нему ведёт гравийная дорожка. На крылечке сидит кошка британской породы. Покой и достаток. И нет никакой безумной людской толпы. Да, пожалуй, это именно то, что мне нужно.

Лилька сердито фыркнула:

— Надо мечтать не о материальном! Впрочем, дело твоё.

Она всегда такая: резкая. Такой же была в институте. Наверное, и в детстве тоже всех строила. Вот поэтому до сих пор одинока. Зато много чего добилась в плане карьеры. Это тоже дорогого стоит.

Дома я прицепила “свой домик” магнитами на холодильник. Какое-то время смотрела на него и шептала всякие просьбы, отправляла их в далекий космос. Хватило меня, признаюсь, ненадолго. Сначала прекратились мантры и шептания, потом и сама картинка улетела в мусорное ведро. А Лилька, оказывается, всё смотрела, всё визуализировала.

Я уже напрочь забыла о том нашем разговоре. А потом получила от неё письмо. Лилька извинялась, что пропала так надолго, но в её жизни произошли серьёзные перемены. Лилька встретила Его. Того самого, как с картинки.

Да, оказывается, картинка ожила, Лилька смело сделала шаг вперёд и попала в Зазеркалье. Познакомились случайно — в интернете, и закрутилось. “Ты не поверишь”, — несколько раз повторила моя подруга. А действительно, какая-то фантастика. А потом: “Что тебе привезти из Италии?” — спрашивала меня Лилька.

Они ехали в Рим. Первая их совместная поездка. “Но вообще — у нас всё очень-очень серьёзно. Потом встретимся обязательно, мне надо тебе многое рассказать”.

Из Рима Лилька привезла мне шёлковый платочек изумрудного цвета. Мне оставалось только утирать этим платочком себе слёзы зависти; похоже, Лилька действительно встретила последнего на этой планете принца. Как ни странно, он удивительно походил на мачо с фотографии из журнала: тёмные волосы, зачёсанные назад, хоть и с небольшими залысинами... Хитрый, весёлый прищур рыжих — рысех каких-то — глаз. Исполнительный директор в фирме, занимающейся программным обеспечением. Владеет тремя языками, прекрасно разбирается в искусстве.

Но главное — он любит её, Лильку. Называет “своей девочкой”. А она с ним — маленькая и слабая. И подарил не какое-нибудь заурядное кольцо, а живую бабочку. Да, представьте, небольшая коробочка, вся в лентах.

И вот Лилька дрожащими от нетерпения пальцами развязывает один бант за другим, а потом снимает крышку — и аааах! — прямо на неё вылетает тропическая бабочка бирюзового цвета. И садится на плечо, как живая брошь. Бабочка прекрасна, она переливается всеми оттенками синего, от индиго до серебристо-голубого. И Лилька впервые за много лет плачет от счастья. “Последний раз так плакала — от счастья, — когда увидела себя в списке поступивших в институт. Но это же не сравнить, понимаешь? То счастье и это. Сейчас — намного круче”, — рассказывает она мне.

— Лиль, а что потом с бабочкой-то... Ну, она же живая! Ей же есть надо, а?

— Да какая разница, что с бабочкой. Это же символ! Символ хрупкости и нежности. Понимаешь? За шкаф улетела. На зимовку.

Его звали Глеб Малюгин. “Глебушка”, — называла его Лилька. Счастье. Бабочка, трепещущая крылышками на левом плече. Какая я была дура, что выбросила фотографию чудесного домика и недостаточно упорно визуализировала.

А Вселенная всё продолжала фонтанировать подарками. И совсем скоро оказалось, что Лилька скоро станет матерью. А Глебушка, соответственно, отцом. И опять — девять месяцев радости и покоя, и счастливого ожидания “маленького Глебушки”.

Правда, “маленький Глебушка” спутал все карты: родилась девочка. Крошечная черноглазая девочка, так похожая на Лильку. Назвали Глашей. Чтобы первые две буквы имени были всё же, как у Глеба.

На этом сказка закончилась. Произошёл сбой в планах, Вселенная стала больно бить, а не осыпать дарами. У маленькой Глаши оказалось редкое генетическое заболевание — буллёзный эпидермолиз. Мало кто знает об этой болезни... Синдром бабочки — так называют это заболевание. Болезнь врождённая и не лечится. Очень нежная кожа, которая воспаляется и слезает буквально от каждого прикосновения. Ребёнка нельзя потискать, нельзя даже поцеловать. Только неумовимо чмокнуть воздух рядом с Глашей... А малыш ведь двигается. И после каждого движения кожа слезает. Как пыльца с крылышек у бабочки. Купания, кремы, ежедневные процедуры, которые не лечат — лишь облегчают боль. Неизлечимо. Навсегда. Больно и страшно.

Вся жизнь Лильки перевернулась. Главным стала маленькая нежная бабочка — Глашенька, худенькая и трепетная.

А Глебушка? Он ушёл в закат. Ему нужна была идеальная семья, идеальная картинка. А не больной ребёнок с мамашей, говорящей исключительно о кремах и таблетках. Мне показалось, что Лилька даже не заметила, как Глеб исчез.

Я спросила у Лильки: жалеешь, что так вышло? Глеб-то мерзавец какой оказался.

— Да ты что! — она вскинула на меня свои чёрные глаза. — Если бы не Глеб, у меня не было бы этого чуда, Гланьки. Это же — чудо! Она так нуждается во мне. А я — в ней. Ну да, проблем много, но ведь это и счастье тоже. Самое настоящее счастье. Просто совсем не такое, как я представляла. И ещё... да... Помнишь ту синюю бабочку? Она мне часто снится. Впрочем, неважно...

Она вдруг стала совсем другой, моя Лилька. Куда пропала её былая резкость и перфекционизм... А в чёрной чёлке появились первые серебряные ниточки. Прежней — яростной и шумной — она становится, лишь когда обижают её малышку, её Глашу. Вернее, когда Лильке кажется, что маленькую черноглазую девочку-бабочку кто-то обижают... Кто мог бы обидеть Глашу? Это просто крошечный ангел, в свои пять лет тонко понимающий музыку, вдумчивый и прелестный, самый тактичный и деликатный ребёнок из всех, кого я знаю.

А мне Вселенная, кстати, тоже ответила. Хотя я и недостаточно усердно просила её о том пряничном домике... У меня появился домик — не белый гламурный коттеджик, но небольшая избушка на шести сотках, на самом краю Московской области, добраться туда можно только на перекладных.

И лиловой сирени нет. Ну, что ж, посадим. Когда-нибудь вырастет. Зато уже появился котик, но тоже “откорректированный”. Не британец, а самый обычный, серый, помоечной полосатой расцветки. Но как он хорош и ласков! Он пришёл ко мне на крыльцо поздней осенью сам, оголодавший и больной, но стал самым настоящим другом и утешением. Он ловит мышей и подкладывает их мне в тапки — в знак любви и благодарности.

ПОЧТИ АНДЕРСЕН

После холодного, неуютного лета почему-то ожидалось, что природа наградит нас долгим, тёплым бабьим летом. Не тут-то было! Вот и первые заморозки, и жалкая берёза под моим окном — нет, не *принакрылась снегом, точно серебром*, но щедро сыплет на подоконник золотые листочки, похожие на монетки. Вот-вот пойдёт снег. Грустно... Впереди полгода серой хмури, холода и тоски. Смотрю в окошко, на то, как ветер рвёт, терзает берёзку. Как не хочется идти на улицу! Эх, залезть бы сейчас под одеяло и проваляться так целый день! И вдруг неожиданно на подоконнике — бабочка. “Павлиний глаз”. Шоколадно-бордовая, с синими кругами на крыльях, яркая и будто бархатистая. Не улетает. Сдвигает-раздвигает свои крылышки, даёт полюбоваться узором. Что с тобой делать, бабочка? Хочешь — посажу на фикус? Или на орхидею? Или за окно тебя выпустить? Но там холодно!

И вдруг озарение: да это же она, Галечка, подаёт мне весточку. Мы же с ней договорились тогда, почти полгода назад. Если есть что-то за гранью жизни — передать. Есть...

* * *

Галечкой она стала в нашу первую же встречу. Я — молодой редактор, она — начинающая писательница. Ну, как писательница... Сейчас ведь все именуют себя писателями. Галина Сергеевна прислала в журнал свои сказки для детей; практически — андерсеновские сказки. В них разговаривали правый и левый башмак, паук ткал чудную мантию для своей возлюбленной, зелёной навозной мухи, а лягушонок побеждал в олимпиаде. Я позвонила авторше, и она тут же пришла ко мне. Оказалось, что Галина Сергеевна живёт поблизости, на Старой Басманной. Она появилась, как постаревшая дама Серебряного века: в норковой короткой шубке, с непокрытой головой. Белая-белая короткая стрижка, яркие карие глаза, как две вишенки. В руках — торг. “Свежайший, не надо отказывать себе в сладком, сладкое делает нас всех чуточку добрее”, — сказала Галина Сергеевна. Потом, когда после двух огромных кусяв торта мы стали совсем добрыми, она разоткровенничалась: сказала, что терпеть не может, когда её называют по имени-отчеству, поэтому для меня она навсегда Галечка и только Галечка. Так называет её третий муж. “Крайний”, — определила Галечка и первая засмеялась. Так и стала я её называть Галечкой. А её супруга — Крайним.

Мы сдружились. Я ездила к ним в Малаховку на дачу, и там мы ходили с Галечкой за грибами. А Крайний всегда волновался, не заблудимся ли мы, и обязательно выходил встречать. Я издали замечала его ярко-синюю куртку и понимала: это настоящая любовь. Крайний брал наши корзины с грибами (за грибами, поясняла Галечка, ходить надо обязательно с корзинами: так правильно; никаких там пакетов). Почему-то так оказывалось, что у Галечки в корзине, в основном, лежали белые грибы, а у меня — сборная солянка всякого грибного сора вроде лисичек-подберёзовиков. Наверное, Галечка знала особые грибные места...

А зимой я тоже приезжала в Малаховку, и мы подолгу гоняли чай под Галечкины пироги и бабский трёп. Крайний в разговорах редко участвовал, махал рукой и уходил резать что-то по дереву. Он был мастеровитый и в образовании и статусности, конечно, Галечке сильно проигрывал. Она садилась

в глубокое кресло по-девичоночи, с ногами. Откидывала маленькую седую головку и рассказывала, рассказывала о своей долгой жизни. Как-то я спросила у Галечки: почему она не красится, а ходит с яркой своей сединой?

— Возраст тоже надо уметь носить! Ты этого пока ещё не понимаешь, но каждая моя морщинка, каждый седой волосок — это история. А потом — это же такой контраст! Карие глаза и белые волосы. Это стильно. Неужели ты не видишь...

Я с ней не спорила, потому что Галечка всё равно всегда настаивала на своём. И Крайний тоже не спорил. По-моему, он её просто очень сильно любил. Вот уж не думала, что в таком возрасте это возможно.

Про первого мужа Галечка никогда не рассказывала, только упоминала его усы, как у Буденного, и пронзительный взгляд синих глаз. Я пыталась расспрашивать, но Галечка сердилась. “Зачем ворошить”, — говорила она. Но с удовольствием “ворошила” про мужа второго — дипломата. Вместе с Галечкой они объехали весь свет, жили долго в Австрии, и Галечка даже как-то ужинала с Маргарет Тэтчер и обменивалась с ней соображениями по поводу творчества Сальвадора Дали, в частности, и современного искусства в целом. Об этом ужине она очень любила рассказывать, и я в мельчайших деталях представляю, как она выглядела тогда: высокая и тоненькая, короткая стрижка и завивка, и ещё — огромные тёмные глаза в опущке густых ресниц.

— А ресницы, знаешь, как себе рисовали? “Ленинградской” тушью. Никакой “летуалью” такие ресницы себе не наведёшь. В пять слоёв накрасишь — ну, просто крылья бабочки.

Вот опять, опять эта бабочка возникла. С крыльями, как ресницы, наведённые “Ленинградской” тушью.

Потом муж-дипломат вышел на пенсию и нашёл себе “молодку”. Тоже Галечкино слово. И даже ребёночка родили. Сейчас уже лет двадцать “ребёночку” от “молодки”. Время быстро идёт. И дети быстро растут, особенно чужие. Но и Галечка не поставила на себе крест. Нашла вот себе Николая, переехала в Малаховку. В квартиру на Старой Басманной заезжала, но не часто. Наездами. Николаю там не нравится, в городе. Очень счастлива. Пишет себе детские сказки — не для денег, для удовольствия. Жить вообще надо в кайф. Это Галечка так и сказала: жить в кайф. Я уважительно поглядела на неё.

У Николая целое хозяйство: огородик, пчёлы, курицы. Галечка этим не занималась. Только цветы сажала. Да и вообще, мне казалось, она как-то к Николаю-Крайнему прибилась от обиды на мужа-дипломата. Но что наше субъективное мнение? Всё оказалось куда сложнее.

Несчастья пошли, как водится, чередой. Галечка не приехала за очередным выпуском журнала со своей сказкой, а ведь это для неё всегда событие. И добрая традиция: приехать с тортиком, посидеть, поговорить. Я звонила Галечке, а телефон молчал. Гудок проходил. Значит, не хочет разговаривать. Или не может. Перезвонит...

Дни шли за днями, а Галечка всё не перезванивала.

Я собралась и поехала в Малаховку.

Навстречу мне вышла старушка в платке и куртке не по сезону. Я хотела спросить, а где же Галечка, но вдруг с ужасом поняла, что это Галечка и есть.

Будто карикатура на ту, прежнюю, светскую Галечку, ужинавшую когда-то с Тэтчер.

— А Коля умер, — бесцветно сказала она. — Сердце. Два месяца назад ещё. Пчёл отдала, а курочек оставила. Память... Коля их так любил, каждую по имени звал. Какой он был, Коленька...

И рассказывала, рассказывала о нём.

А потом вдруг сказала о том, что она, Галечка, если и сделала в своей жизни кого-то счастливым, то только Колю. Крайнего.

— А больше всех я виновата перед своим сыном, — неожиданно сказала она.

— Галечка, неужели у вас был сын... Но вы же никогда не говорили о нём...

— Ну, что ж я, все карты на стол сразу выложу? — она надменно вскинула бровь, и только тут я узнала ту, прежнюю Галечку.

— Был, был сыночек, Денис. От того первого мужа. Будённого... Но я как влюбилась в Андрея, сразу от него ушла. От Будённого. — Галечка уже раздражалась, а я, признаться, запуталась в этой “сage о Форсайтах”. — Ушла к дипломату, а сына оставила первому мужу. А они оба так нуждались во мне, так любили... Впрочем, меня все любили. Разве можно меня не любить?

Да, действительно, Галечка, ты была права. Разве можно её не любить — старушку с душой наивной девочки? И Дениска маленький любил, и страдал, и не простил предательства.

— Ты не думай, я деньги ему переводила всегда, и подарки присылала. Он, Дениска, был лучше всех одет всегда. Это такое чувство вины... страшное. На восемнадцать лет я подарила ему машину. Ни у кого не было машины, у папашки его усатого машины не было, а у Деника — была. Я хотела, чтобы он поехал учиться за границу, ко мне. Но он не хотел. Сказал: не могу предать родину, не могу предать отца... молоденький дурачок, светлый, чистый ангел. Разбился он на той машине. Сама его убила, своими, считай, руками.

Галечка протянула мне руки — длинные, худые пальцы в громадных перстнях.

— Знаешь, почему я стала писать те детские сказки... Мне казалось, я их пишу своим нерождённым внукам. У такого парня, как Дениска, было бы много детей. И, значит, у меня было бы много внуков... Слушай... Ты меня не бросай. У меня теперь никого нет. Только это вот куриное царство. Одна я во всей Вселенной.

Наивная какая-то и растерянная, маленькая седая девочка с худой шеей и седыми волосами. *Сказка о потерянном времени.*

* * *

Я приехала к ней ранней весной, по мартовскому талому снегу. Привезла традиционную мимозу — крошечных жёлтых травянистых цыплят, и настоящую курочку в переноске. Рыжую, озорную. Пусть в курином царстве будет прибавление.

Галечка курочке обрадовалась, назвала Маруськой и сказала, что всех куриц, и новую рыжуху, надо обрызгать корвалолом.

— А то другие курицы поймут, что она не из их стаи, и заклюют. А так — корвалолом обрызгаешь, он все запахи перешибает, они и не поймут, что теперь с ними Маруська. И за мимозу спасибо. Мне Коленька всегда цветы дарил. Правда, мимозу — ни разу.

И всё было, вроде, как раньше. И чай с чабрецом и мятой, и варенье из вишни, и даже коньячок, и альбом с фотографиями, и разговоры. Но мне казалось — между нами, на длинной деревянной резной скамеечке сидят ещё люди. Влюблённый в Галечку ревнивец Николай Крайний. Молодой весёлый гонщик Дениска. И несколько белоголовых ребятишек — нерождённых внуков Галечки... Они молчали, и большой красивый дом казался пустым и необжитым. Мне было здесь ужасно холодно...

Кажется, Галечка это почувствовала.

— Ты приезжай... приезжай ко мне ещё. Вот скоро и крокусы зацветут. А потом — тюльпаны. Я тебе в Москву нарежу, порисуешь тюльпаны. Рисовать надо только с натуры, ни в коем случае по памяти.

* * *

Но уже в середине марта мне позвонили из московской больницы. Галечка попала туда с переломом шейки бедра. Поскользнулась. Хрупкие косточки бедной худенькой моей Галечки не выдержали. Я понеслась к ней в больницу с традиционными апельсинами и книжками.

Она лежала в подушках бледная и грациозная, как королева.

— Пристрой моих куриц, пожалуйста. Я к ним уже не вернусь. И за ту рыжую Маруську спасибо... Вообще — за всё.

— Галечка, ну, что вы говорите, глупости всякие. Штифт в ножку встают. Пойдём летом за грибами. Вы, как всегда, белых наберёте. Я мусор типа подберёзовиков и поганок.

Она усмехнулась.

— Ты, я вижу, любишь жёлтое и оранжевое. Курица, мимоза, апельсины вот... Я тебе подам сигнал оттуда. Я теперь точно знаю, мы не умираем окончательно, совсем. И там я встречу Деника и Коленьку. И за всё попрошу у них прощения. И у первого мужа — ну, у которого усы, как у Будёного. Ты помнишь?

Ещё бы... Конечно, помню.

Через неделю она умерла во время операции — сердечко не выдержало наркоза.

Был конец марта, но не тёплый, ледяной. Как будто зима вновь вступила в свои права. На прощании народу было человек пять, не больше. И вдруг прямо на кладбище прилетела бабочка “павлиний глаз”. Тогда я подумала, что всё-таки американцы испытывают своё таинственное климатическое оружие, и вот, надо же, в подтаявших мартовских снегах выплываются первые бабочки.

Я просто не поняла, что это Галечка подаёт мне знак.

А сегодня — поняла. Значит, всё так и случилось, как она надеялась. На поляне, усеянной дивными цветами, а может, просто на резной скамейке уселись рядком красавица Галечка, её поздняя любовь Коленька Крайний, молодой белозубый Дениска и внуки. Два мальчика и девочка. И Галечка им читает свои сказки — почти Андерсен, только современный.

“ЛЕНИНСКИМ КУРОМ”

— Ну, что, по домам! — скомандовал Лёшка. И поднялся с большого ватманского листа.

— У меня уже мама пришла с работы, будет ругаться, — сказала Рита Кожевникова.

— У меня тоже скоро родители придут. Надо всё убрать к их приходу, — это уже Андрей Масляков. Моя команда. Редколлегия, где я — председатель.

Лёшка нагнулся, чтобы собрать гуашевые краски. Он был явный перфекционист (тогда, конечно, этого слова я не знала). Жёлтую краску закрыл крышечкой от жёлтой, зелёную — от зелёной. А Андриуха сознательно хаптурил. Какая под руку попадётся... А может, спешил выгнать нас из дома до прихода родителей.

Моя команда. Редколлегия, где я — председатель. Потому что я училась параллельно в художественной школе. Всю жизнь эти жуткие газеты ко всем праздникам рисовала я или я со товарищи. Где-то они, наверное, хранятся — чудовищные, но такие милые агитки, написанные корявым детским почерком. Разноцветная гуашь не выцветает, это не акварель. К каждому празднику. Всё более и более профессионально — рука набивается и на этом тоже. Много позже, когда не было денег, а сделать подарок другу хотелось, я шла тем же проторённым путём: из какого-нибудь глянца вырезала фотографии, наклеивала на лицо, скажем, Джеки Чана портрет именинника, а рядом лепила другую фотку — с Деми Мур, ещё молодой и прекрасной, в полуобнажённом виде вручающей розу имениннику... Писала десяток незамысловатых стихотворений. И обязательно — яркий заголовок. Успех моему подарку был обеспечен. Потому что ничто не ценится так дорого, как креатив и оригинальность.

Но тогда, в девятом классе, я, конечно, не знала о том, что нарабатываю бесценный опыт. Я просто отбывала художественную повинность. Впереди

мерцал конкурс стенгазет, и мы просто обязаны были выступить, как говорит один современный рэпер, “словно челюсть питекантропа”. Мы рисовали стенгазету у Андрюшки дома, пошли после школы сразу к нему. Сначала, понятно, разглядывали коллекцию фарфора Андрюхиной мамы. Меня в самое сердце поразила китайская куколка... “Поставь на место, — строго сказал Андрюха. — Если что, мама убьёт”. Я убрала куколку на место, между красно-золотыми томами Пушкина. У меня дома, к слову, был такой же Пушкин. А куколки не было.

Потом пили чай. Потом плевали с седьмого этажа вниз: кто дальше. Короче, газете посветили часа полтора. Но у меня были заготовки: вырезки из журнала “Огонёк”. До сих пор, уже непонятно зачем (стенгазет я не делала лет пятнадцать), я храню интересные вырезки из газет... Всякие знойные красотки, вожди и артисты. Вдруг понадобятся.

Ну, на старости лет не будет денег, чтобы купить подарок. Тогда я своей подружке Ире — оп-па! — и смастерю стенгазету. Ира обрадуется, она такой человек. Позитивный. Это сейчас редкость.

А тогда, в девятом классе, мы все были позитивными и стенгазетную повинность воспринимали как долг. Нет, не так. Как ДОЛГ. Ведь впереди 22 апреля — должен был быть день рождения Владимира Ильича Ленина, вождя мирового пролетариата. Это был самый-самый конец советской эпохи. И день рождения Ленина отмечался, но не так бурно, как в прежние годы. Но ещё отмечался — и стенгазетами, и концертом, и торжественной линейкой. И, конечно, субботником.

Всё было приклеено, стихи и заметки на своих местах, и заголовок алел (я писала). А под ним — курсивом, но тоже крупно и заметно — Андрюшка вывел: “Ленинским куром”. Буква “с” во втором слове выпала. Ошибку мы заметили не сразу. Такие ошибки называют “глазными”.

Заметили, когда Лёшка зацепил своей огромной ногой в толстых носках банку с водой. В ней мы полоскали кисточку. Мутно-грязная лужа хлынула на ватманский лист, заливая заметки, картинки и заголовки. И толстый персидский ковёр, на котором мы расположились. Андрюшка, конечно, больше всего переживал за ковёр. Ну, а мы — за стенгазету. Может быть, её ещё можно было спасти, но тут мы заметили ошибку в подзаголовке про “Ленинский курс”. Эта ошибка поставила жирную точку на полиграфическом продукте. Газета была погублена уже давно. Просто мы об этом не знали...

— Ну, вам всё равно надо уходить, — волновался Андрюха, ведь скоро должны были прийти его родители. На Лёшку было жалко смотреть.

— Я нарисую газету ночью, — сказала я неожиданно для самой себя. — Я всё переделаю.

Во-первых, я была главой всей этой шайки несостоявшихся художников. Они — простые члены редколлегии. А я, как-никак, председатель. Значит, на мне вся ответственность. Пусть у Лёшки ноги растут не пойми откуда. И руки. Это совершенно неважно. Отвечаю я.

А потом, я была чуточку влюблена в Андрюшку. Не до потери пульса, но, когда он присылал мне записку, сердце учащённо билось. “Роцца козлиха. Роцца-тоцца”, — читала я. И понимала: нет, насчёт любви показалось. Это не тот самый человек. Как хорошо, что я не успела влюбиться в Маслякова! “Вот тебе!” — давала я ему портфелем по спине. Как хорошо, что в школе ещё думаешь, влюбиться или нет. Есть выбор. Его можно решить с помощью корявой записки и старого рыжего портфеля.

Но козырнуть перед Масляковым всё-таки хотелось.

— Я нарисую газету, — повторила я. — Варежки закройте. Завтра в это же время мы будем есть самый вкусный торт в мире.

Я даже помню, что это был за торт. Он и назывался волшебю: “Сказка”. Цветной крем, бисквит. Длинненький и тоненький. Впрочем, зачем я рассказываю? Все и так знают.

Торт “Сказка” полагался за второе место. За первое — переходящее красное знамя и грамота. Но уже тогда материальное довлело над духовным в отдельно взятом организме. Мне нужна была “Сказка”, а не знамя. Другие места и возможности, кстати, даже не рассматривались. А ведь мы могли,

например, получить третье место — войти, как сказали бы сейчас, в шорт-лист. Или не получить вообще ничего. Участвовали все старшеклассники.

Но за моими плечами была художественная школа и целая папка вырезок. Вырезками занимался отец. Из каждой газеты и журнала он вырезал все значимые, на его взгляд, статьи и раскладывал по книгам соответствующей тематики. До сих пор, когда я беру, например, томик Лермонтова, на меня дождём летят пожелтевшие от времени вырезки. О Тарханах, о бабушке Михаила Юрьевича, безумно его любившей, но самодурке, о том, как было написано “Бородино”... И каждая подписана: например, “ЛГ 21.07.78”. Почему у меня совсем нет такой скрупулёзности, а дети — те вообще газет не читают? Не говорю уж о вырезках. Нас испортил интернет и быстрый доступ к самой разной информации. Впрочем, я отвлекаюсь от своего рассказа.

Вырезок было много. Проблема была в ватманском листе, но дома я просто перевернула испорченную кривоногим Лешкой стенгазету и нарисовала всё заново на обороте. Получилось классно. Сейчас мне уже трудно вспомнить, что там было. Можно было бы написать: вспомнить невозможно. Но говорят, что свою память человек использует лишь на малую долю процентов, и на самом деле мы в состоянии при желании вспомнить лица всех людей, с кем когда-либо ехали в общественном транспорте... Может быть, я и вспомню когда-нибудь при помощи специальных технологий, как выглядела та новая стенгазета. Но в подзаголовке там точно было написано: “Ленинским курсом”. И газета была так хороша, что на парадной общешкольной линейке нашему классу вручили грамоту и почётное переходящее красное знамя.

А торт “Сказка” уплыл от нас в класс “Б”.

Я до сих пор помню ту жгучую обиду — глупую, в сущности. Мы не были голодающими негритами с чёрного континента, фотографии которых публиковали в прессе, — с вспухшими от голода животами и несчастными глазами. Более того, наши родители сдавали деньги, и мы ели в школе какое-то пюре с сосисками. Некоторым попадались половинки сосисок: то, что не доели младшеклассники, у них обед был двумя уроками раньше. Неважно. Голодающих среди нас не было. И первое место — лучше второго, это и дураку ясно. Но мне, ученице девятого класса, вечно лохматой, худой девчонке с рыжим портфелем, так не казалось.

Знамя отдали старосте, а грамоту — как главному виновнику торжества — мне.

Я выбежала из зала с грамотой — плакать. На меня с удивлённым недоумением смотрела сотня пар глаз: учащиеся и учителя. Сколько раз потом за свою жизнь я так выбегала, еле сдерживая, а потом, за дверью, уже не сдерживая, горькие слёзы. Страшный эгоизм и желание побеждать. Это неправильно. Первое место только одно. А наша газета была лучше. “Ленинским курсом, — причитала я. — Лучше бы мы так и оставили”. Светило апрельское солнце, и распустилась верба. Я рыдала в женском туалете. Я ненавидела этот прекрасный мир. И жизнь моя, такая молодая, такая, в общем-то, беззаботная, казалась никчёмной и пропащей.

Сейчас мне это смешно. Зачем мне так нужен был этот торт “Сказка”? Может, чтобы сразить Андрюшку? Но вроде он мне и не особо нравился.

Нет ответа. Но горе требовало выхода. Я изорвала грамоту в мелкие клочки и выбросила в унитаз. Хотела спустить воду, но глянцевые бумажки с порванным изображением — профилем Ильича золотом — продолжали кружиться на поверхности. Тогда я ушла домой. По дороге я встретила свою подругу Юльку, она была на год старше. Она рассказала мне, что у её рыбок гуппи родились мальки. Мы пошли смотреть мальков. Мальки были крошечными и прозрачными, они прятались в водорослях. Юлька показывала мне, как самцы рыбок ухаживают за самками. Самцы были сплошь вуалехвостыми красавцами, все разными, а рыбки-самки — невзрачными гигантами. Это тоже было удивительно...

Скандал разразился на следующий день в школе. Меня вызвали к директору прямо с первого урока. Она нервно сглатывала слюну и подкашливала. Кольхались бледные щеки, и лицо выражало скорбь.

— Не ожидали от тебя такого! Так под лицом благопристойности порой прячется порок, — сказала она очень двумысленно.

О чём думать, непонятно. Может, она как-то узнала, что у Юльки мы смотрели за любовными игрищами гупши?

Но оказалось всё куда прозаичнее.

Оказалось, что сразу после меня дамскую комнату посетила училка математики — она меня явно недолговликала. И в унитаза она обнаружила плавающие обрывки грамоты.

Собирался учком, потом — комитет комсомола, и потом — педсовет. Меня хотели отчислить из школы.

— Ты поврала Ленина! Дедушку Ленина! Какое неуважение! Мы воспитали чудовище, — стенала наша партийная наставница Валентина Андреевна. *Валендра*.

Я рыдала. Так страшно мне не было никогда. Куда мне теперь? И в училище не возьмут. Я же почти окончила девятый класс. А до десятого не доросла. Исключат из комсомола. И главное, я действительно ощущала себя чудовищем. Разорвала дедушку Ленина...

Отвлекаясь от основного повествования, я сейчас не понимаю — почему Ленина мы повсеместно называли дедушкой? Если он умер в 54 года, и к тому же никаких внуков не имел? Сейчас в этом возрасте мужчина зачастую заводит молодую жену и детей. По крайней мере, дедушкой назвать его ни у кого язык не повернётся.

Помощь пришла, откуда не ждали. Учительница труда взяла меня на поруки. То есть поручилась за меня, хорошую и прилежную ученицу, что ни за что и никогда... А может, скандал не нужен был школе. А может, дед-генерал позвонил какой-нибудь шишке. Но меня оставили в школе, где я благополучно отучилась и даже, представьте себе, вновь рисовала стенгазеты.

Такая вот история. С премиями меня ещё “прокидывали” сто миллионов тыщ раз. И каждый раз хотелось выбежать из зала в слезах и что-нибудь порвать.

Но жизнь учит. И я сидела в зале до самого конца, широко улыбаясь на камеры, пока не наградят самого последнего конкурсанта. С Андрюшкой, конечно, ничего у нас не было; оказалось, что у него роман с той самой Ритой. Как я могла не заметить? Удивительно. После школы они поженились, и Андрюха стал православным священником; с матушкой Ритой у них шестеро детей и единственная из нашего выпуска крепкая семья.

А торг “Сказка” я с тех пор не ела. Как-то не хочется.